

Эта гора у Суры известна с древних времён. А я стою перед ней впервые. И ощущаю, что в душе зреет неиспытанное ещё доселе какое-то трепетное, сокровенное, восторженное чувство. И не потому, что эта гора считается в народе святой. Просто она сама по себе, на мой взгляд, уникальное природное явление.

Ведь удивительно: от областного центра до Сурского монотонно тянется степь; дорога ровная, словно скатерть на столе, — не за что зацепиться взгляду. И вдруг, только проскочишь мост через Суру, — предстаёт этот нерукотворный памятник.

А приехал я сюда не случайно. Людям не лишне было бы знать, где находятся в нашем крае целительные источники, качество которых опробовано народом в течение долгих веков. Народными целительными ключами люди пользуются с древних времен и не понаслышке знают их силу. А вдобавок эти родники сами по себе являются историческими памятниками, с ними связаны народные верования и традиции, интерес к которым у нас сейчас постепенно возрождается. В общем, я уверен, что при нынешней экологической и нравственной катастрофе обязательно произойдёт возвращение к родникам. Иначе мы просто не выживем. С этими мыслями я и решил незамедлительно углубиться в письменные источники: посидеть в библиотеках, покопаться в архивах.

Обратился к библиографам — помочь мне отыскать литературу о целебных источниках. Ответ был огорчительным: такой литературы не имеется. И мне пришлось броситься головой в омут, вернее, — в книжное море. В общем, довелось перелопатить множество старинных книг, всяческими косвенными путями, посредством сложных умозаключений определять местонахождение святых источников, по крупицам выуживать сведения об их истории.

...И вот оказался я перед этой древней горой, белой от инея. И не спеша шагаю по улочкам старинного селения, где в каждом оконце отражается кусочек истории нашей раздолбой российской земли. Правда, если судить по новому имени рабочего посёлка, то у него совсем юный возраст: в 1931 году переименовали его в Сурское. Зачем это сделали, с какой целью отобрали у селенья его исконное имя, — до сих пор непонятно. Ну ладно бы назвали там в честь местного революционера или первого комсомольца, как

часто в те времена бывало, а то ведь — совершенно нейтральное слово.

А ведь как колоритно и звонко звучало — Промзино Городище (само имя древностью дышит).

Не о Сурском, а о старинном Промзине написано много добрых строк в разных книжках. В Петербурге(!) знали о нашем селенье. А сейчас спроси там же или в другом каком месте о Сурском: лишь удивлённо выпучат глаза — не слыхали о таком. И помнили о селе неспроста, на то были веские причины...

Белая

гора

Не с Волги, не с других российских рек, а именно отсюда, с Суры, из Промзина Городища шёл самый-самый вкусный хлеб и самая-самая вкусная рыба.

И это не легенда, что именно отсюда стерлядь поставлялась на царский стол, — это истинная правда.

Но Промзино Городище было не только одним из купеческих центров России. Не меньшее значение имело селенье и как духовный центр. Промзино Городище известно с 1552 года. Столько же знакома людям и Белая гора со своими целебными родниками (гора имеет и другие названия: Никольская, Святая, Поклонная).

Почти 500 лет приходят сюда люди, чтобы испытать драгоценной влаги. О чудодейственной силе этой живой воды знаю немало. Наслышан о многих случаях, правдоподобных и самых невероятных. Но не буду рассказывать о них, так как не был сам тому свидетелем. Скажу лишь о достоверном: при исследовании в родниковой воде обнаружено большое количество серебра и других полезных для организма

микроэлементов. Вдобавок она ещё — просто удивительно вкусна. Признаюсь, прожив на свете уже достаточно много лет, я ни разу не пивал (ни из одного родника, ни из одного колодца) такой аппетитной воды. Недаром же местные жители семейный самовар с ней выпивают за один присест. Скажу и другое. Сейчас говорят и о том, что вода может быть целебна не только благодаря своему химическому составу. Но ещё, так сказать, по месту своего нахождения.

Да в конце концов, если полтысячи лет приходят к этим родникам люди со всех концов нашей земли, так значит, есть в них какая-то сила. Иначе бы народ забыл об этих ключах в дальней стороне, отвернулся бы от них.

Легенд о Никольской горе и её родниках я слышал несколько.

Одни рассказывают, что в давние времена, весной, в мае, подошли к Белой горе (Белая, — потому что меловые отложения, и ещё: белый цвет — цвет христианства) вражеские войска. Днём русские воины отразили неприятельские атаки. Но силы были неравными. И защитники чувствовали, что на следующий день не сдержать им дикого напора. И тогда прольётся рекою кровь безвинных детей, стариков, жён.

Приуныли ратники...

Но в полночь на самой вершине горы появился всадник, излучающий яркий свет. И главное то, что русские его вначале не видели, а первыми увидели враги. Увидели, обмерли от испуга и ушли, отступили. Народ был спасён.

Всадником этим явился Николай Чудотворец (Угодник Мирликийский; Никола), один из самых любимых и почитаемых в народе христианских святых, отличающийся великой добротой и справедливостью.

Другое предание о горе повествует, как однажды молодой монахине (у горы находилась Никольская Городищенская пустынь, женский монастырь) приснилось, будто на гору взошёл Николай Чудотворец, чтоб спасти людей от врагов. Побежала она на гору чуть свет и взору её явилась чудотворная икона...

И всё же более реальной, правдоподобной мне показалась другая легенда, которая, кстати, зафиксирована в одном старинном печатном издании.

«Никольская Городищенская пустынь находится в полверсте ниже села Промзина у подошвы Белой горы, на вершине которой явилась чудотворная

икона св. Николая. Пустынь была незначительна по числу монастырющих и состояла в ведении Печерской, а в 1728 году приписана к Покровской Ивановской пустыни (Алатырского уезда), вместе с которой в 1764 году была упразднена. Церковь с чудотворным образом св. Николая оставалась на берегу до 1810 года. Когда, вследствие подмывания берега р. Суры, была закрыта, а икона перенесена в с. Промзино».

Другое издание более точно, конкретно сообщает о легендарном событии:

«...В той же церкви находится чудотворная икона Николая Чудотворца, явившегося, по преданию, в 1552 г. на горе, прилегающей к Промзину, для ограждения его от полчищ татар (по другому преданию, кубанцев), собравшихся на противоположном берегу Суры и ослеплённых дивным видением. Чудо это воспето местным поэтом в стихах, которые обыкновенно печатаются вокруг лубочного изображения Промзинской иконы, весьма распространённого в Симбирской губернии. Икона представляет горельефное изображение Святителя и по типу сходна с известным изображением «Николы Можайского».

Когда в 1922 году икону, эту древнюю реликвию, конфисковали и увозили из Промзина, бросив небрежно на скрипучую телегу, женский плач разносился далеко по округе, поднимаясь всё выше и выше, и лишь в заоблачной высоте таял, пресекался.

Промзино было богатейшее купеческое село. И религиозное. Денег на божьи дела не жалели: на каждой улице стояла часовня-красавица (на сохранившихся фотографиях это воочию видно); главный колокол весил 500 пудов (8 тонн), когда в него ударял 25-пудовый язык, звон летел на пятьдесят вёрст, и слышен был даже в городе Алатыре.

По воспоминаниям старейших жителей Сурского, «риза у священника была серебряной, а по ней – россыпь бриллиантов. В двадцатые годы все церковные ценности были отобраны и проданы за границу. Правда, за это была открыта в селе столовая, где кормили чечевичным супом.

В начале века в центре Промзина началось грандиозное строительство нового храма. Современные специалисты обмеряли ту стройплощадку и утверждают, что по размерам церковь была бы под стать величественному московскому храму Христа Спасителя. Недостроенная церковь в Пром-

зине тоже была разрушена. Сейчас на этом месте различные учреждения.

А на бывшем кладбище священнослужителей воздвигнут дом культуры и кинотеатр – увеселительные заведения.

И всё же, несмотря на все разрушения и запреты, паломничество к Никольской горе и её святым родникам не прекращалось. Люди шли сюда за тысячи вёрст из Киева, с Урала, из Архангельска, словно к российскому Иерусалиму. Шли всю дорогу пешком, категорически отвергая поезда и подводы.

Старожилы помнят, какие были ноги у этих ходоков – не ноги, а сплошные мозоли. Но странники не унывали: попарят ступни в майской крапиве и, почувствовав облегчение, просветлённо вздохнут (Теперь я и на Святую гору взойду...).

В весеннего Николау 9 мая (22 мая – по новому стилю) на горе было целое столпотворение. Считалось, что именно в этот день вода в родниках приобретает могучую, священную силу. И потому все стремились сюда.

Но воинствующие атеисты тоже не дремали: тщательно разрабатывали план беспощадной борьбы с религиозным дурманом и активно проводили план этот в жизнь.

Какому-то местному руководителю в горячую голову пришла взбалмошная идея скрыть вершину горы. Натужно урча, калеча гусеницами природный и исторический памятник, на вершину пополз бульдозер. На самой высоте опустил нож и, взревев, начал сдирать с омытой людскими слезами земли пласт за пластом. Люди из посёлка наблюдали, как утюжил трактор заветную гору. И вдруг кто-то из толпы испуганно крикнул: «Смотрите, смотрите, трактор-то переворачивается!» Машина, действительно, начала падать. К счастью, задержало её крепкое дерево, оказавшееся на пути, а то бы не миновать трагедии. Тракторист остался жив.

После этого, как круги по воде, – расходясь всё шире и шире, – пошли слухи о чудотворной силе Никольской горы. А ведь руководители предполагали получить победный результат.

Но это ещё что! Одной бывшей руководительнице пришла совершенно бредовая мысль: взорвать гору. Обложить её динамитом и взорвать. Не знаю, что помешало осуществить этот опасный замысел: то ли взрывчатки не хватило, то ли, наоборот, опасались повредить близлежащие дома. Но в последний момент всё же что-то

отвело руку от этой экстремистской затеи.

В общем, гора сохранилась. Правда, не в таком первоначальном виде, какой она была ранее.

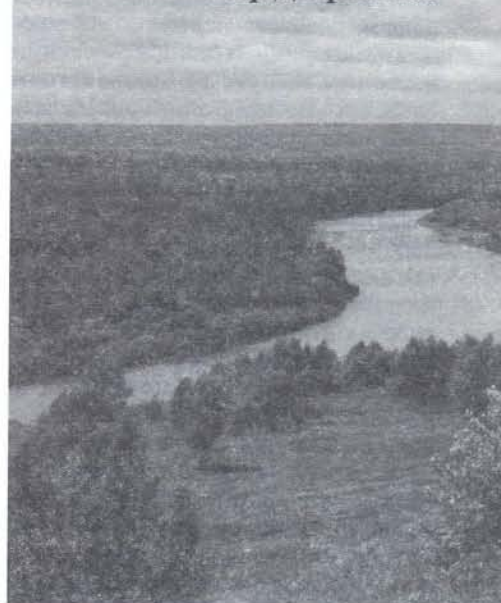
Какими были сто лет назад часовня на горе и колодцы под горой? Об этом можно узнать только от старожилов, а их, помнящих начало века, остаётся, к сожалению, всё меньше и меньше.

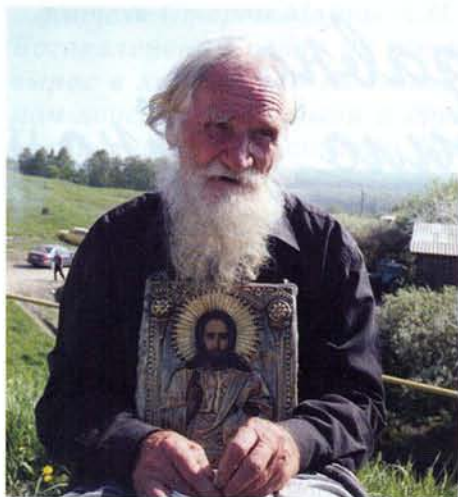
...Белая гора видна издалека. Но пройти к ней трудно. Построенные как-то вразнобой, дома облепили подножие. Потому пришлось поплутать, прежде чем я вышел к этой древней знаменитости. Думал, что буду один на её склоне, день-то будничный, не праздничный. Но нет, ошибся. Люди поодиночке, то вдвоём шли к родникам.

Я взшёл на вершину и задохнулся. Нет, не от крутого подъёма, а от того раздолья, которое открылось с горы. Этот ни с чем не сравнимый пейзаж всколыхнул внутри одновременно и радость, и боль. И они долго звучали в душе, не желая утомиться.

Потом спустился к роднику, что выбивает почти рядом с Сурой. Струя до того сильная, что я долго не мог наполнить банку. А когда наполнил, то попробовал из неё воду. Вода была такой вкусной, что я невольно вспомнил о самоваре. Но не о нынешнем – электрическом. А о том, давнем, из детства, который разжигался углями да сосновыми шишками. «Да где сейчас такой отыщешь», – подумалось с грустью. И я побрёл по тропинке к посёлку, который в старину назывался звучно и гордо – Промзино Городище.

Владимир Дворянсков

Крестный ход с иконой Казанской Божией Матери на святой Никольской горе. Июль 2007.

Фото Нафанаша